

К Р О К О Д И Л

ГО Д ИЗ Д А Н И Я Х V I I

СРЕДИ САМУРАЕВ

Рис. Л. Бродаты

— Кто это на нас напал? Регулярные или партизанские части?
— Не знаю, точно, но бьют нас здесь регулярно.

Покаяние

С ГОРЕСТНЫМ чувством стыда и печали беремся мы за перо. Дальше терпеть нельзя. Долго мы таили в своем сердце это тяжелое преступление.

Вот уже много ночей подряд мы просыпаемся в холодном поту: кошмары преследуют нас. Садясь за стол, мы встаем, не притрагиваясь к обеду. Веселый уличный шум не отвлекает нас от одной, все той же мысли:

«Что мы наделали!»

Дальше терпеть нельзя. Мы должны покаяться перед всем честным народом, смыть пятно со своей совести.

Читатель — он хороший. Он справедливый, добрый, мудрый, он поймет. Читатель простит нам нашу ошибку.

...Он приходил к нам в редакцию и раз, и два, и три. Приходил и он сам — рабочий Аркадий Хрисанов, и Борис Попов — его сосед по квартире... Впрочем, нет. Сказать так — значит сразу ввести читателей в заблуждение. Мы рассказываем здесь только о фактах, поэтому будем с самого начала придерживаться точности как в определениях, так и в описании событий, в датах, в именах.

Так вот, поправляемся: назвать помещение, занимаемое семьями Хрисанова и Попова, квартирой нельзя никак. И даже помещением назвать нельзя. Это скорее... Впрочем, нет! Уж лучше пусть рассказывают сами Хрисанов и Попов. Вот их заявление. Оно было адресовано в Московский совет 9 мая 1938 года:

«Настоящим просим вас рассмотреть наше заявление и принять меры, так как мы находимся в воде. Кругом стены мокрые и рядом со стеной находится уборная и из уборной нечистоты проникают в комнату. Обваливаются стены и потолок, балки проломлены, стоят на подпорках, которые поставили сами временно, и ежедневно выливаем воду из под пола. Но последнее время запретили выливать домоуправ тов. Шеберт и приходила милиция, и в настоящее время не выливаем. Нас в квартире в 20 кв. м. проживает 11 человек и из них 6 человек детей от 5 мес. до 16 лет и стены комнаты на 1 мтр. 70 сантиметров находятся в земле...»

Теперь понятно, почему так долго мы не могли подыскать подходящего слова, чтобы определить, где же это живут две рабочие семьи?

И вот цитированное нами заявление получили в приемной Моссовета.

— Ах, ах! — воскликнули там в негодовании. — Неужели с этим делом не могли разобраться на месте? Какие есть еще бессердечные люди среди районных работников! Вот мы их!..

Заявление было переслано в Мосжилуправление. В Мосжилуправлении тоже прочли бумагу. Тоже, надо думать, вознегодовали. Потом (это было 31 мая) начальник отдела эксплуатации Мосжилуправления Янсон послал в район (начальнику Новослободского жилищного управления, Октябрьского райсовета) грозное письмо.

«Не позднее 5 июня с. г., — предписывало письмо, — принять меры к приведению в порядок квартиры гр-н Попова и Хрисанова. О принятых вами мерах не позднее того же 5 июня сообщите приемной председателя Моссовета и заявителям».

Мы не знаем, какие чувства овладели начальником райжилуправления Симоновым по прочтении жалобы. Может быть, он даже не обедал в этот день. Может быть, рассорился с женой или (если он холост) с соседями по квартире, расстроился. Может быть, наоборот, он почувствовал прилив сил и энергии. Не знаем. Но обвинять Новослободское жилищное управление в волоките нельзя. В волоките, в бюрократизме или, скажем, в нечутком отношении к людям. Никак нельзя!

Ну, правда, 5 июня квартира приведена в порядок не была. Приемной председателя Моссовета о результатах сообщено тоже, правда, не было. Но ведь это мелочь! Важно, что уже 7 июня специальная комиссия составила специальный акт. Она-де произвела «технический осмотр подвального жилого помещения по 1-му Ниж. Масловскому тупику, д. № 6». И установила абсолютную правильность заявления Хрисанова и Попова. И даже больше: комиссия признала, что указанные условия «делают проживание в подвале невозможным». Ах, какая справедливая комиссия!

Не прошло и полумесяца, как Новослободское райжилуправление сообщило (20 июня) в приемную председателя Моссовета:

«...в силу этого жильцов в количестве 11 чел. в течение лета необходимо переселить на другую соответствующую жилплощадь».

Ах, какие замечательные люди сидят в этом самом Управлении!

Шло время.

Хрисанов и Попов долго обивали пороги учреждений, втянутых в переписку по их жалобе.

Из приемной Моссовета их посылали в Мосжилуправление.

Оттуда — в райжилуправление.

Оттуда — в домоуправление.

Здесь советовали снова обратиться в Моссовет.

И опять по ступенькам: вверх, вниз, вниз, вверх.

Измученные этой ходьбой, Хрисанов и Попов пришли в Крокодил.

Вот здесь-то и началось наше падение...

Выслушав их, мы позвонили в приемную Моссовета, заместителю заведующего приемной товарищу Сорокину.

Тот возмутился:

— Как! За два с половиной месяца дело не стронулось с места?! Перешлите заявление, мы примем срочные меры.

Послали. Раз сам заместитель заведующего приемной Моссовета говорит, — значит, будет сделано!

А время шло... Мы все чаще беспокоили товарища Сорокина телефонными звонками с просьбой сообщить, что же сделано по заявлению.

Товарищ Сорокин сначала уверял, что все идет хорошо, что «вот еще парочку дней, и все будет в порядке». Потом его голос стал звучать менее уверенно. Потом однажды он сознался:

— Да, знаете, вот не выполняют...

— Что не выполняют? Кто не выполняет?

— Наше приказание. Райжилуправление не выполняет.

— Позвольте, ведь эта организация, кажется, подчиняется Моссовету?..

— Вообще-то да...

— Ну, вот видите!.. Что ж вы сделали?

— А что же с ними сделаешь? Говорили им — не слушают.

— Товарищ Сорокин! А если бы этого человека... знаете, ну, к ответственности привлечь, что ли?

— Чего ж их привлекать-то? Ведь райжилуправления нас вообще слушать не хотят.

— Да-а... Видно, плохой там работник?

— Плохой, вы правы. Вот он у меня тут сидит. Слушает наш разговор. Я ему только сейчас доказывал, к примеру, что он шляпа...

— Ну, а он?

— Смеется...

— Скажите, какой юморист!.. Ну, а как же с заявлением Хрисанова и Попова?

— Сделаем как-нибудь. Отдадим распоряжение.

— Кому? Шляпе?

— Шля... то есть, как это, шляпе? Жилуправлению отдадим.

— Начальнику?

— Да, да.

Нам стало чего-то скучно. Мы вежливо попрощались с товарищем Сорокиным, еще раз выслушав его заверения, что меры по заявлению будут приняты.

По правде сказать, уже тогда в наше сердце закралась холодная змея сомнения. Но мы старались изгнать ее. Мы верили. Как-никак, ответственная организация взялась за дело. Сама приемная! Председателя!! Моссовета!!! Ну, как же не верить?!!

Каемся, мы думали: дело ясное, люди серьезные, работают в аппарате серьезного учреждения. Не может быть, чтобы зря! Нет, нет, гнали мы от себя сомнения.

И напрасно гнали. Напрасно!

Два месяца товарищ Сорокин вел переговоры, обещал, клялся.

Два месяца мы обнадеживали товарищой Хрисанова и Попова.

— Вот-вот — и все будет сделано, — говорили мы. — Подождите еще немножечко. Ведь в Моссовете взяли за ваше дело. Зайдите завтра.

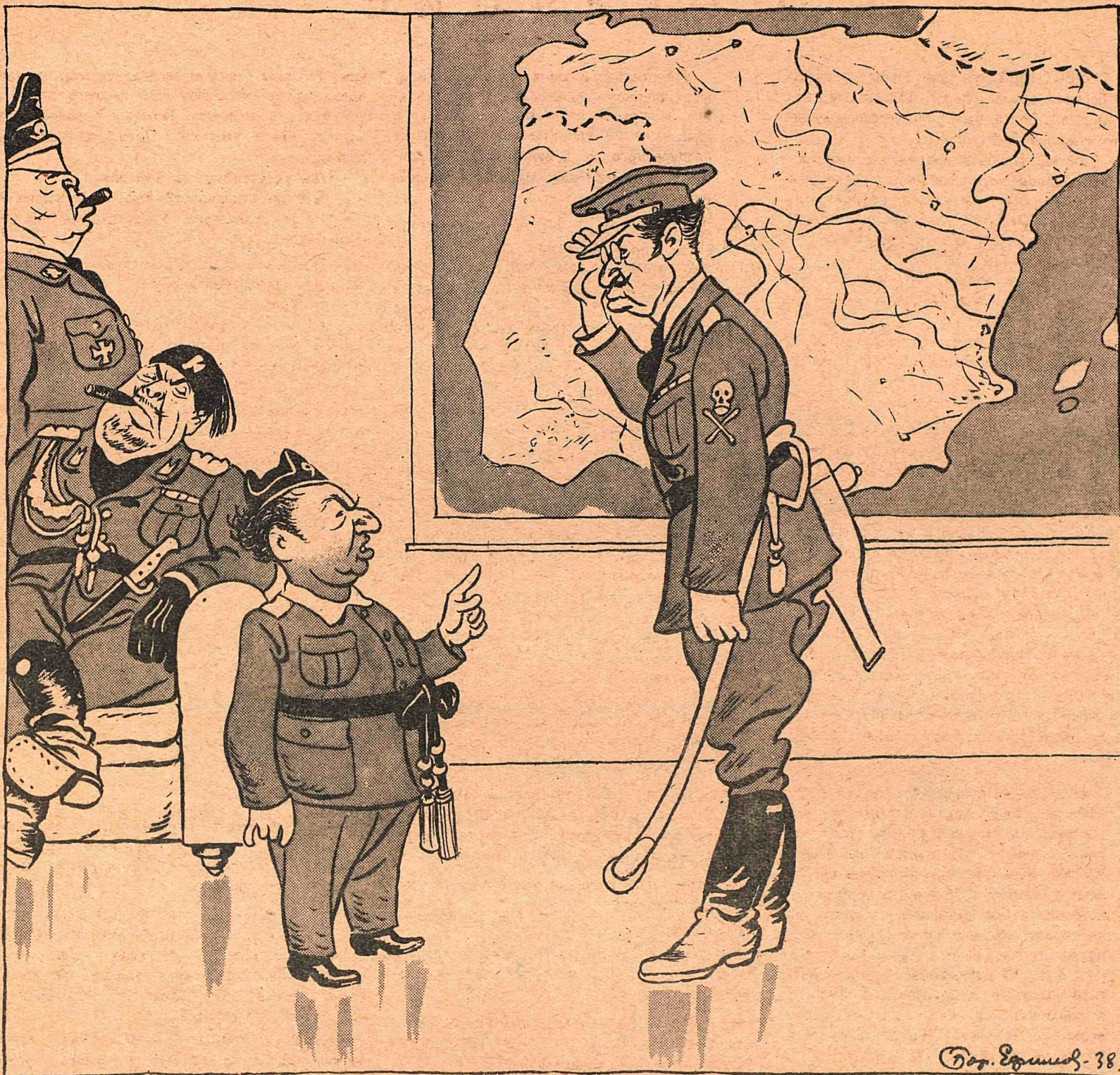
В следующую встречу мы опять просили:

— Зайдите завтра. Товарищ Сорокин — он сделает!

Вчера мы сказали Хрисанову то же самое. Сегодня он не пришел. Видно, зайдет, завтра. Что же тогда?

...На нашем сердце тьма и ночь. Раскаяние терзает нас. Мы не выдержали. Каемся, мы не выдержали боя со шляпами...

Е. ЕФРЕМОВ

НОВАЯ ЭТНОГРАФИЯ ИСПАНИИ

Рис. Бор. Ефимова.

ФРАНКО (начальнику тайной полиции): — Какие же вам еще нужны инструкции? Испанское население по ту сторону фронта — наши враги. Испанское население по эту сторону фронта — их соучастники!

Иностраный юмор

В сад одной комфортабельной виллы вошел бродяга, лег на землю и стал есть траву.

— Неужели вы так голодны, что едите траву? — спросила его с балкона добрая старая лэди.

— Да, лэди, — ответил несчастный.

— Ах, — сказала добрая лэди, —

пройдите на задний двор: там трава много лучше и гуще.

Телефон звонит:
— Доктор, прошу вас, придите немедленно.

Доктор: — Что случилось?
Отец: — Сынишка мой проглотил карандаш.

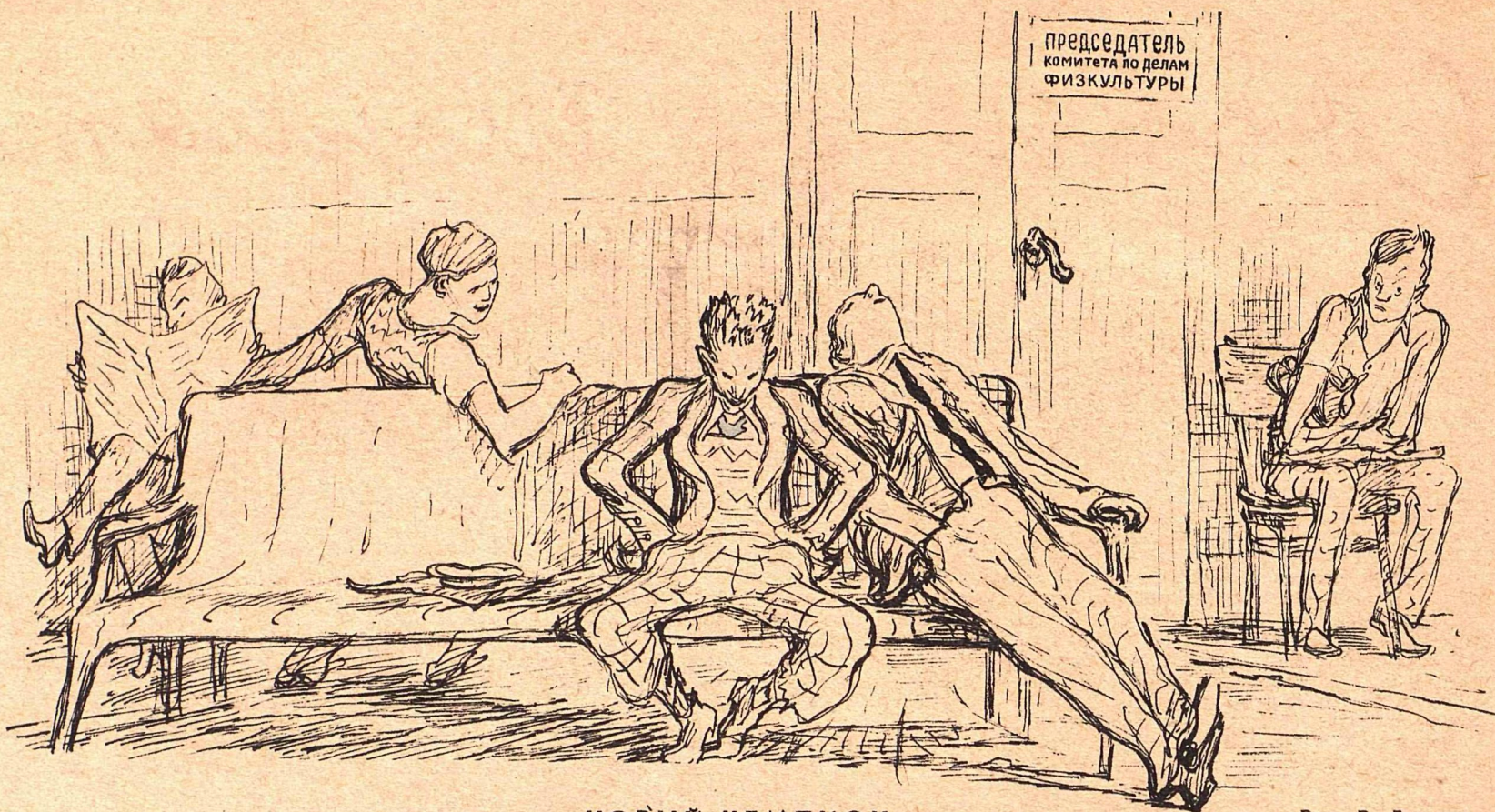
Доктор: — Что же вы пока предпринимаете?

Отец: — Пока ничего, пишу чернилами. У меня есть вечная ручка.

Гипнотизер демонстрировал свое искусство.

— Вот этого человека я заставлю забыть все, что он помнил.
Один из публики: — Пойдите, не надо: он мне пятерку должен.

— А вашему сынишке какой подарок вы сделали?
— Вломали его копилку и купили ему электрический утюг.

НОВЫЙ ЧЕМПИОН

Рис. В. Горьева

— Председатель Комитета по делам физкультуры — отличный голкипер: за целый день не пропустил к себе в кабинет ни одного посетителя.

СГОРЕЛ НА РАБОТЕ

Рис. М. Черемных

или

история несчастной любви к непосредственному начальству.

Сосны шумят

Л ЕТО в этом году был похоже на засидевшегося гостя. Уже поговорили обо всем, допили водку, доели осетрину в томате и надоели друг другу смертельно. Уже хозяйка несколько раз откровенно зевнула и хозяин не очень кстати сказал, что знаменитый абхазский старик, проживший 153 года, всегда спать ложился в 10 часов. А гость все сидит, все смотрит свинцовым взглядом на пустой графинчик и, видимо, вовсе не собирается следовать хорошему примеру славного абхазского Мафусаила.

Так было и с летом. Пересидев все сроки, оно и в сентябре продолжало палить дачные крыши томным июльским жаром. А когда к нему привыкли, — вдруг поднялось и ушло.

И сразу стало немножко грустно. Дунул холодный ветер, понес по широким улицам поселка первые желтые листья. Ворчливо и громко стали шуметь дачные сосны.

Дачники тоже уехали как-то все сразу — одной моторизованной колонной. До будущего лета смолк на уютных спортивных площадках собачий лай волейболистов: аут! аут! По вечерам не голосили патефоны на верандах, и в поселке стало пустынно и тихо.

Борзихины — Григорий Иванович и Мария Николаевна, муж и жена, — не уехали вместе со всеми из благословенной Клязьмы: они оставались на даче потому, что московское домоуправление подвергло их городскую квартиру затяжному ремонту.

Поздним вечером Борзихины — оба в пальто с поднятыми воротниками — сидели у себя на веранде и ужинали. Вместе с ними ужинал Кока Ленский, начинающий фоторепортер, молодой человек с решительным подбородком, непобедимый волейболист. Он был привезен из Москвы Борзихиным по настоянию Марии Николаевны, чтобы было не так страшно ночевать одним на опустевшей даче.

— Вот так и дрейфует здесь, как папанинцы, — сказал Борзихин, наливая фоторепортеру водки. — Во всем квартале мы, кажется, одни остались. Выпейте еще рюмочку, Кока.

Кока лихо выпил водку и закурил холодной котлетой.

— Как жутко шумят сосны! — сказала Мария Николаевна и зябко передернула плечами.

— Осень! — определил наблюдательный фоторепортер. — Осенью сосны всегда шумят по-осеннему, а летом — по-летнему.

— А зимой — по-зимнему? — серьезно спросил Борзихин.

— Зимой — по-зимнему.

— А весной — по-весеннему?

— А весной — по-весеннему.

— Жутко, жутко здесь сейчас, — повторила Мария Николаевна и вдруг тонко взвизгнула:

— Ай, кто это?

Борзихин уронил на пол вилку и тихо выругался:

— Чорт, что там такое?

— Фу, как я испугалась! — сказала Мария Николаевна и, слабо улыбаясь, положила руку на сердце. — Протянула сейчас ноги — и вдруг уперлась под столом во что-то живое и теплое. У меня все так и оборвалось! С этими соснами я совсем забыла про Боба. Боб, иди сюда, негодник.

Из-под стола нехотя вылез ирландский сеттер Боб и, зевнув, положил рыжую голову на колени хозяйки. Мария Николаевна сердито шлепнула Боба по курчавому заду:

— Вот тебе! Чтобы не пугал! Марш в угол!

Обиженный Боб вздохнул и, уйдя в угол, стал громко чесаться.

— Одного моего приятеля тоже напугала собака, — сказал Кока. — Так он вдруг стал икать. Икал три дня. Чуть не умер!

— Что вы говорите? — удивилась Мария Николаевна и икнула.

Борзихин громко засмеялся. От этого неделикатного смеха икота у Марии Николаевны прошла.

— А жуликам и бандитам здесь, действительно, раздолье! — сказал Борзихин. — Темно, милиции не слышно и не видно. Выбирай любую дачу и действуй с богом!

— Перестань, Гриша, — робко попросила Мария Николаевна.

— Чего ты боишься? С тобой же двое мужчин. Один Кока чего стоит!

— Минуточку, — вдруг сказал Кока. — Тише! Как будто кто-то кричит.

Дачники переглянулись и стали прислушиваться. Сквозь шум ветра и сосен издали до них донеслись сердитый мужской голос и умоляющий женский. Слов разобрать было нельзя.

— Наверное, Львовы опять поругались, — сказал Борзихин. — Львовы уже третий день ругаются в Москве. Они уехали вместе с Кустиковыми.

— Тс-с-с! — повторил Кока. — Слышите? Она заплакала!

Борзихины насторожились и вдруг совершенно явственно услышали, как женский голос сказал с отчаянием:

— Боже! Ну не убьешь же ты меня сейчас!

— На нее напали! — зашептала Мария Николаевна. — Надо бежать на помощь! Кока, бегите туда скорей!

— Почему я должен туда один бежать? — сказал Кока тоже шопотом.

— Бегите скорей! Ведь вы же мужчина!

— Григорий Николаевич — тоже мужчина!

— Какой он там мужчина! Возьмите Боба и бегите. Натяните нож!

Кока схватил консервный нож, взял за ошейник Боба и храбро нырнул в темноту. Впрочем, через минуту он снова появился на веранде.

— Я послал Боба, — сказал он попрежнему шопотом, — пусть он полагает за калиткой. Может быть, он его напугает. Давайте еще послушаем.

Снова стали прислушиваться. Боб почему-то не лаял. Дико шумели сосны, и опять сквозь этот неприятный шум донесся до Борзихиных kloкочущий хриплый мужской голос, такой страшный, что глаза у Марии Николаевны стали круглыми, как пуговицы на пиджаке у Григория Николаевича. Что говорил страшный мужской голос, было не слышно; ветер доносил лишь отдельные слова: «убийством», «жертвой», «мечь, страшную мою».

— Он задушит ее! — простонала Мария Николаевна. — Мужчины, бегите же туда! Гришка, не смей никуда ходить! А то я буду кричать!

— Пойдемте, Кока, — решительно поднимаясь, сказал Борзихин. — Куда вы дели нож?

— Я потерял его, когда выпускал Боба.

— Возьмите хоть вилку.

Шум сосен на мгновение стих, и далекий отчаянный женский голос с той же явственностью произнес:

— О, убей хоть завтра, но эту ночь дай мне прожить!

— Обождем, Григорий Николаевич, — сказал Кока, стуча зубами, — может быть, она... того... действительно уговорит его... отложит до завтра?

— Не думаю. Этот субъект, видно, не из таковских. Он ждать не будет. Мы сделаем так: я поползу по земле и схвачу его за ноги. А вы идите и прямо хватайте за руки.

— Лучше я поползу, а вы идите.

Снова зашумели сосны, снова неразборчиво заклокотал свирепый мужской голос. Это было так невыносимо, что Мария Николаевна, не помня себя, одна выскочила за калитку. Мужчины бросились за ней.

Они следовали гуськом, друг за другом по темной страшной улице: впереди Боб с беспечно поднятым хвостом, за ним Мария Николаевна, потом Борзихин. Сзади полз по земле, извиваясь как ящерица, храбрый Кока.

Борзихины пробежали квартал и остановились, задохнувшись. Было тихо. Лишь сосны попрежнему шумели под осенним ветром.

— Кончено! — с плачем сказала Мария Николаевна. — Он ее задушил!

И вдруг знакомый по лету, до одури противный голос произнес прямо над их головами:

— Вы только что прослушали сцену удушения из трагедии Вильяма Шекспира «Отелло» в исполнении артистов Радиотеатра Кусайкина и Китайкиной. Сейчас прослушайте вечернюю передачу для домашних хозяек «Новое в штопке чулок».

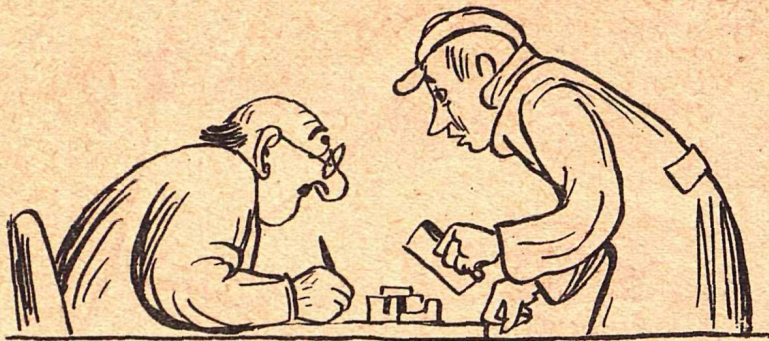
Борзихины еще смеялись, когда к ним подполз Кока Ленский.

А через десять минут, стряхивая грязь с безнадежно испорченных брюк, фоторепортер говорил:

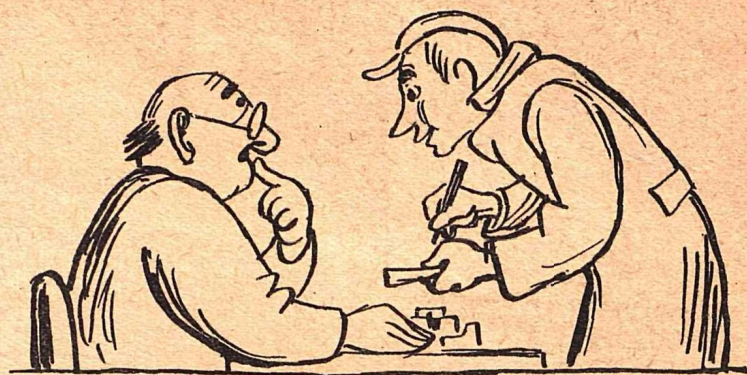
— А я, пожалуй, не останусь у вас ночевать. Я лучше сейчас поеду прямо в Москву. Нет, нет не упрашивайте меня!

Борзихины переглянулись и не стали его упрашивать.

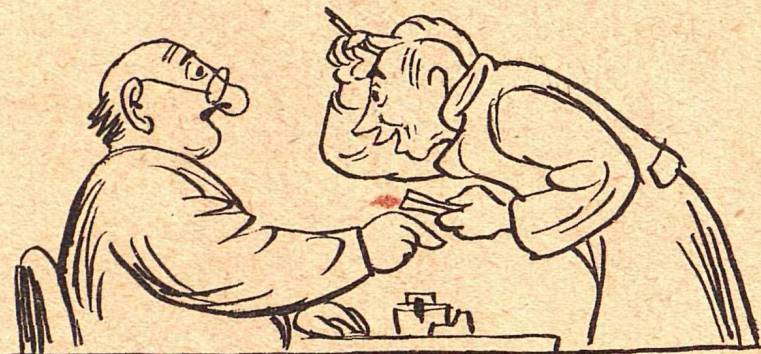
ЛЕОНИД ЛЕНЧ

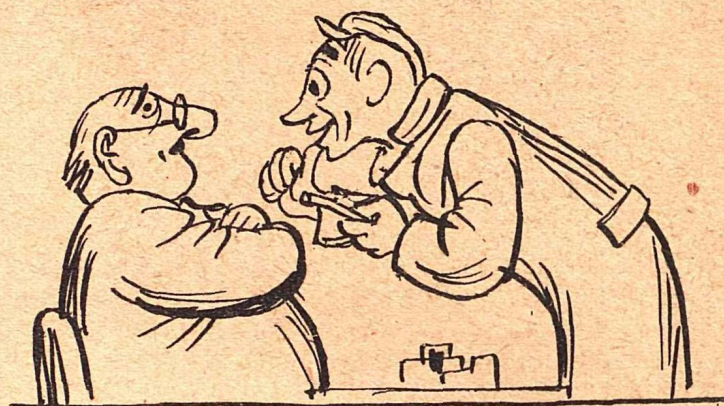
— Вы спрашиваете: какой ширпотреб мы производим?

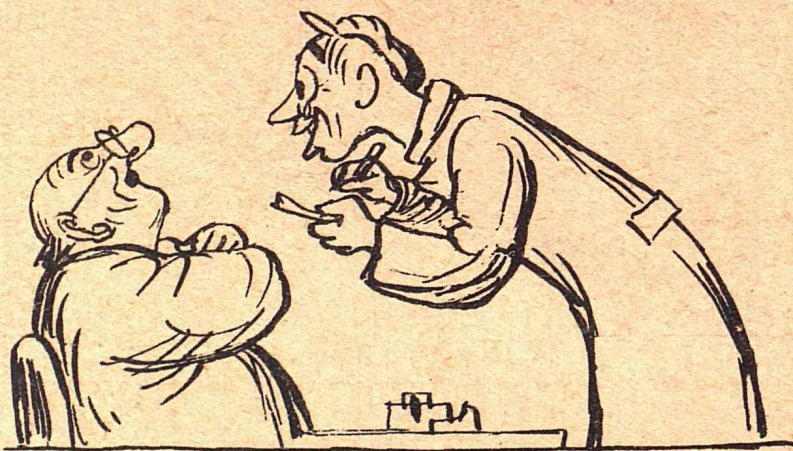
— Вас интересуют детские ванночки?

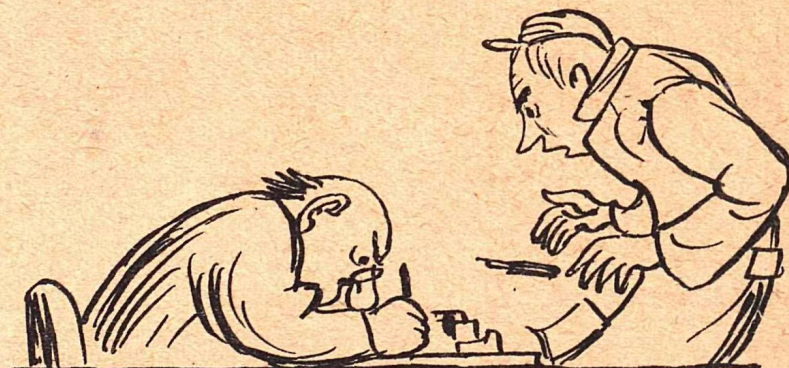
— Может быть, ножи, вилки?

— Ложки чайные, суповые и разливательные?

— Тазы, кастрюли, сковородки?

— К сожалению, ничего этого мы пока не производим.

— Рис. Л. Генча

Разговор

ИЗ ВСЕЙ коммунальной квартиры платить за телефон отказывалась только Седелкина. Когда Седелкиной не бывало дома, один из жильцов, некто Еремин, доцент по классу гобоя, возмущался особенно громко:

— Нет, ведь какая сквалыга!.. Человек зарабатывает 600 рублей и жалко дать пятишку за телефон.

— А когда никого нет дома,— подхватывала жена доцента,— она перезванивается со всеми знакомыми.

— Я свободный художник!— с жаром восклицал доцент по классу гобоя.— Мне прямо совестно смотреть и на вас! Почему никто из вас не бросит ей прямо в лицо облитые желчью слова: «Вы сквалыга, гражданка Седелкина! Довольно стыдно пользоваться задарма телефоном...»? И я ее когда-нибудь так отчитаю именно по телефону! Да, да, да-с!

Завтра доцент с женой уходили в гости. Во всей квартире оставалась только Седелкина.

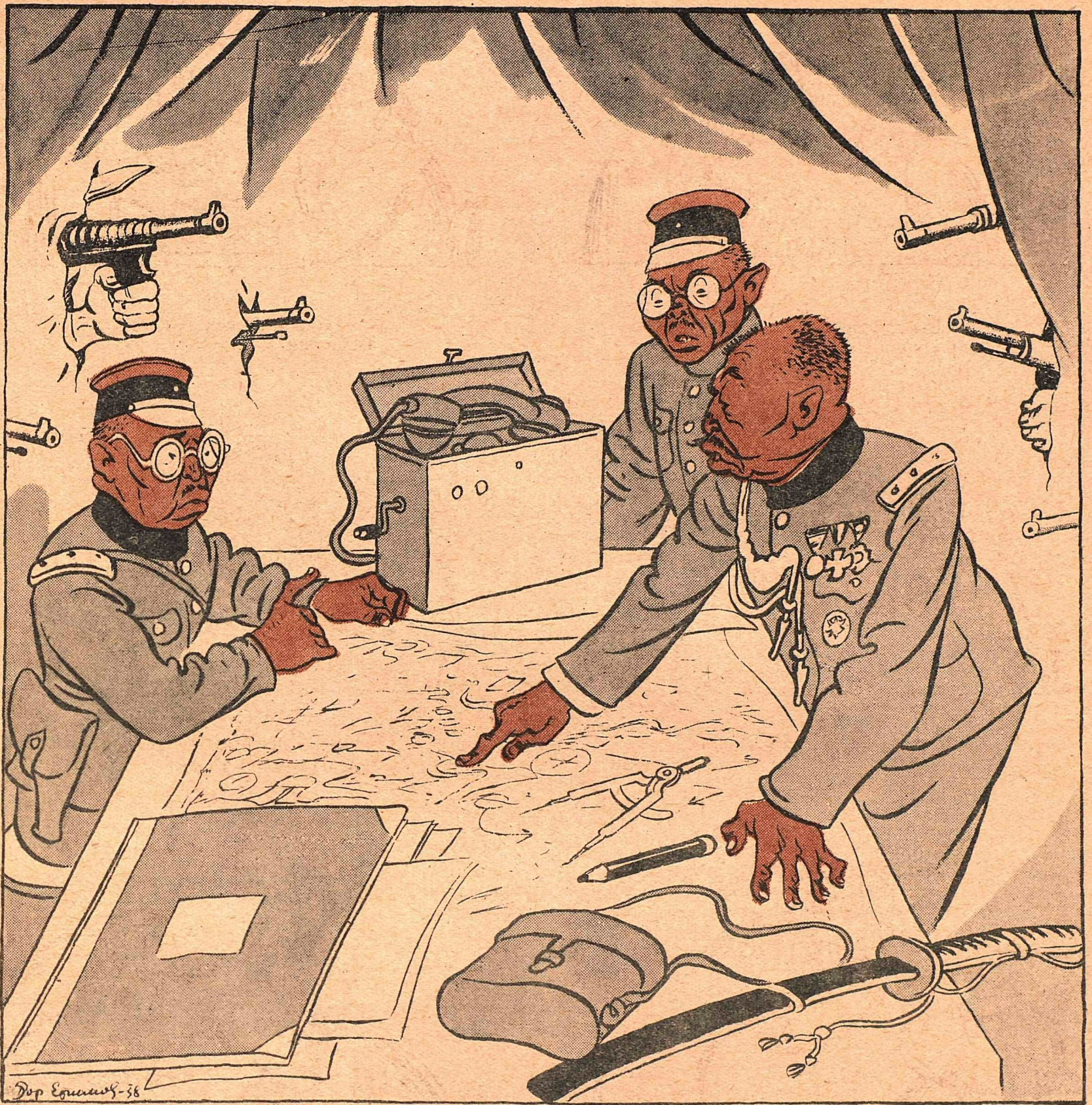

Рис. Бор. Ефимова

В ЯПОНСКОМ ШТАБЕ В КИТАЕ

- Необходимо установить точное местонахождение партизан.
- Тише, господин полковник, они могут нас услышать.

— Ну, я ее сегодня отчитаю,—прошпал доцент,—позвоню от Петра Ильича, пусть только она подскочит к телефону. Я свободный художник, никого не боюсь!.. Я нарушу свой покой, но я...

Позвонил. Телефон оказался занятым.

— Вы подумайте! — дрожа от негодования, воскликнул доцент по классу гобоя.— Эта паразитка, эта, эта... пользуется нашим телефоном... Пусть она со мной не кланяется, но я ее сейчас привлеку!

— Миша! — неожиданно сказала жена доцента.— Ты перед уходом у нас в комнате потушил свет?

— Свет? Нет. Я думал, что ты погасишь.

— Начинается... Дума! Поставили себе в комнате отдельный счетчик — и теперь, значит, за наш только счет горит, горит зря электричество!.. Хотя бы за счет всей квартиры, а то...

— Чорт знает что такое!.. Ведь действительно у нас отдельный счетчик... — и доцент снова побежал к телефону. Услышав в трубке голос Седелкиной, забормотал, пришаркивая ногой:

— Софья Евстигнеевна? Будьте любезны, Софья Евстигнеевна, потушите, пожалуйста, у нас в комнате свет... Да, да... Спасибо, спасибо, Софья Евстигнеевна... Большое спасибо...

В. ТОБОЛЯКОВ

Осень в Ленинграде

Зеленого и золотого цвета,
В густой кайме каналов и садов,
Такая осень может быть воспетой,
Согретою дыханием стихов.
Сверкая листьев бронзовой оправой,
Она их мнет — шуршание, как шолк,
И падает на Зимнюю канаву,
Где Лиза плакала,

а Герман все не шел.

Я узнаю твоё дыхание, осень,
Не только потому, что дата сентября,
Что Ленкомхоз, заботясь, ровно в восемь
Ресницы поднимает фонарям,
Не только по блестящим, влажным крышам,
Увеличению мелких зимних смет,
По госакадемическим афишам
И сотням примелькавшихся примет.
Нет, я узнала это время года
По признакам, законченным вполне,
По шагу деловому пешехода,
По сразу озабоченной спине.
Уже есть слякоть, темная, как сажа,
Уж ветер подымает разговор,
Уже на юг для летнего пейзажа
Отвез свой штат последний режиссер,

Уже вернулся в тесноту райкома
Из отпуска последний человек,
Уже студенты свежего приема
Обжили залы всех библиотек.
И кто-то из набивших доотвала
Восьмой аудитории края
Уж начертил свои инициалы
На той скамье, где вырезала я.
Он хлопает дверьми,

шумит в трамваях,

Густой туман к плечам его приник,
Но падает завеса дождевая —
И город подымает воротник.
Его щека мокра, но он не плачет —
Он пасмурен,

хотя никто не хмур,

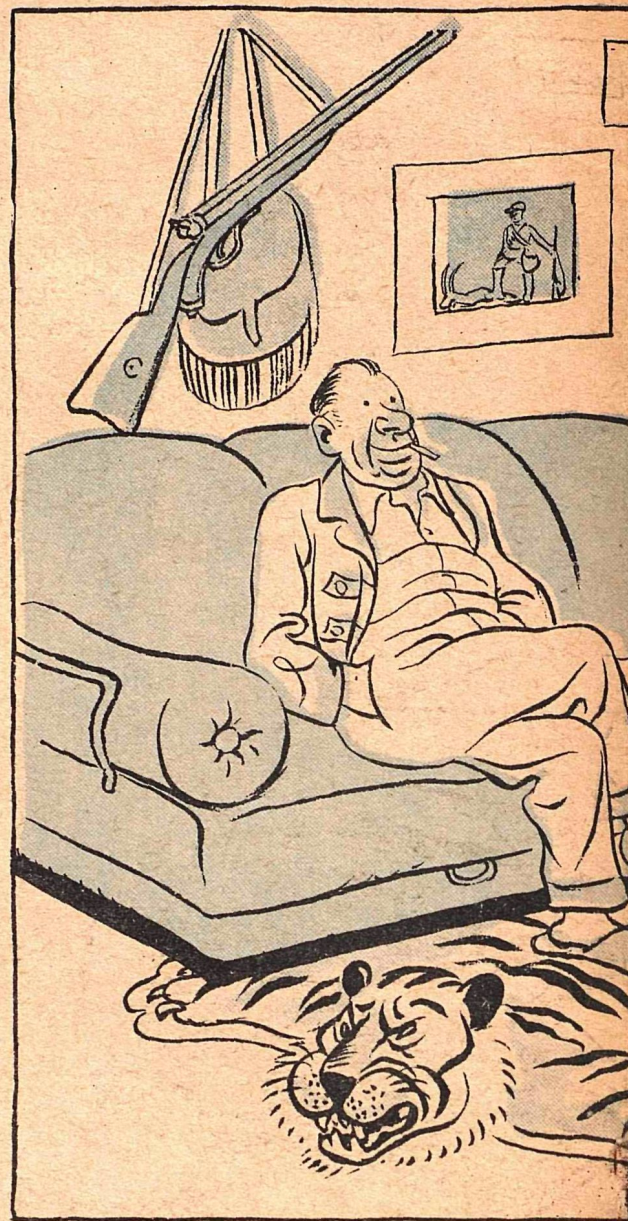
Таков сентябрь —

и год объявлен, значит,

И дождь играет сотни увертюр.
И запах города втянув в себя украдкой,
Как втягивают запахи травы,
Я чувствую, что вся я ленинградка —
От самых ног

до самой головы.

ЕЛЕНА РЫВИНА

СРЕДИ

— Подумаешь — страхи: тигра на
пришел, понимаешь, Порфирьев за ре
я страха!..

Пассажиры р

КОГДА проводник самолично принес в купе шахмат, а в это же время продавец из вагона-ресторана откупоривал чуть-чуть дымящиеся бутылки с пивом, пассажир в коричневой пижаме сказал:

— Все-таки наладили у нас транспорт. Что ни говори, обслуживание пассажира у нас на высоте.

— Да, — отозвался гражданин, пришедший из соседнего купе посмотреть на шахматную игру, — обслуживание пассажиров, которые в вагоне, неплохое.

— И на станциях неплохое.

— И на станциях. Не спорю.

— А чего ж вам еще надо?

— Мне?.. Я, знаете ли, имею в виду еще одну разновидность пассажиров. Это опоздавшие. Вот с ними дело обстоит хуже.

— То есть? — рассеянно спросил один из игроков, передвигая пешку.

— Я вам, если позволите, расскажу случай, который был лично со мной. Месяца два назад. Да. Жена, знаете, уже была на курорте, а я должен был задержаться из-за работы. И выехал через неделю после нее. Ну, вы сами, конечно, знаете это роскошное ощущение, когда Москва со всеми заботами — деловыми и личными — осталась позади, а вы уже в поезде и можно бездельничать, болтать с со-

седями по вагону, пить пиво. А в перспективе еще целый месяц отдыха, и юг, и море, и пляж. Ехать бы мне и ехать! Но тут под вечер вышел я погулять на станции, на которой поезд стоит десять минут. Ну обыкновенная такая станция: красноватые станционные здания, а рядом деревья в два раза выше этих самых зданий. На платформе много народа, но никто не ходит, а все сидят или лежат. И на всех четырех путях — один только состав, в котором мы приехали.

Погулял я по платформе, посмотрел на пузатые часы, вижу: еще минут восемь до отхода. «Дай, думаю, отправлю жене телеграмму: в Москве впопыхах не успел известить...» А вышел я из поезда в пижаме, в домашних туфлях без задков на босу ногу. И в кармане пижамы пять рублей на случай яблок или арбуза.

Вошел в помещение станции, отыскал телеграфное окошечко, углубился в сочинение и расчеты.

И вот когда телеграфист второй раз, тыкая пером в каждое слово, подсчитывал стоимость моей телеграммы, я вдруг слышу тревожный гудок паровоза. А, повторю, на перроне, кроме нашего поезда, ничего нет.

Бросив телеграмму, выбегаю на платформу. Так и

есть! Поезд мой уже отошел, и, знаете, последний вагон этак подло виляет в обе стороны шагах в пятидесяти от меня. Я завыл и с воем побежал за поездом. Куда там! Я, знаете, и вообще-то не братья Знаменские, а тут еще проклятые туфли без задков хлопают меня по пяткам на каждом шагу и стреляют как пистолеты. Немного пробежал, гляжу: на вагоне уже буферов не видно. Так, пятнышки какие-то впереди меня.

Повернул я обратно и тут только услышал собственный вой. Думаю, что это так гудит? Оказывается, я. Ну, замолчал.

К начальнику станции вошел, еще не отдышавшись от бега. Говорю:

— Нач...яч... чальник...яльник...ту...здесь!

Какой-то железнодорожник посмотрел на меня пронизывающим взглядом и говорит:

— Товарищ, для припадочных у нас есть пункт. Пройдите через станцию, и с той стороны дверь.

Я говорю:

— Я не припа... не припадочный... Я чемодан...

— Ну, вот видите, вам уже кажется, что вы чемодан. Давайте в пункт.

— Да нет! Я отставший. Мой поезд — вон он!..

— Ага! — говорит железнодорожник. — Зайдите сю-

Рис. Бор. Ефимов

ТРУСОВ

охоте встретил! Тут ко мне наднях
комендацией. Вот, братец, натерпелся

Трухлявый мешок

Рисуется нам такая картинка из жизни жителей города Троицка, Челябинской области.

Пункт скорой помощи. За столом сидит врач, читает газету. Два дюжих санитаров вносят на носилках смертельно бледного человека.

САНИТАР. Вот из театра привезли. Хлопнулся в обморок. Говорят, напугали его чем-то.

(Врач приводит в чувство пострадавшего).

ВРАЧ. Выпейте. Это валерьянка. Что с вами?

ПОСТРАДАВШИЙ. В-ва... В-ва...

ВРАЧ. Успокойтесь. Скажите яснее.

ПОСТРАДАВШИЙ. В-ва... В-ва... Васса Железнова. Прочтите программу.

(Дает врачу программу).

ВРАЧ *(громко читает вступление к программе).* «Как истый гуманист большевистской складки, А. М. Горький до последних дней жизни доискивался до сущности вопроса: почему люди страдают, почему одни получили право угнетать, а другие попали в положение угнетаемых. Почему происходит бесплодная трата человеческой энергии на эксплуатацию, подавления, унижения человека». Что же вас так напугало? Обыкновенная неграмотность!

ПОСТРАДАВШИЙ. Дальше! Читайте дальше!

ВРАЧ *(читает).* «Она *(Васса)* хочет сохранить и продолжить свой род путем обмена, преступления и даже предательства». Да! Крепко завинчено! Продолжить род путем предательства!

ПОСТРАДАВШИЙ *(слабей).* Дальше.

ВРАЧ *(читает).* «Железнов *(муж Вассы)* находится у предельной черты существования; он уже мертв, как человек, но жив лишь его трухлявый мешок костей».

ПОСТРАДАВШИЙ *(дико озираясь).* Ай!

ВРАЧ *(читает).* «В образе Железнова Горький блестяще выразил весь ужас одиночания, падения человека, совершившего мерзкие дела в удовлетворение своих скотских прихотливых вожделений».

ПОСТРАДАВШИЙ *(стучит зубами).* Ой! Мне страшно!

ВРАЧ *(храбрясь).* «Прохор *(брат Вассы)* — олицетворение тупости, безмолвия, ничтожества и паразитизма. Наталия *(дочь Вассы)* — человек морально опустошенный, ищущий выхода и находящий его в вине и попойках своего дяди».

ПОСТРАДАВШИЙ *(чуть слышно).* У меня зеленые круги перед глазами! Прекратите!

ВРАЧ *(взяв себя в руки).* Ну, вот что. Я вижу, нервы у вас слабые. Выпейте еще валерьянки и ступайте домой. Если пойдете в театр, ни в коем случае не покупайте программ. Программы вам противопоказаны.

(Санитары вносят носилки еще с одним пострадавшим).

САНИТАР. Еще один из театра голубчик. А машина опять туда поехала. Говорят, там целая ложа замертво лежит. Тоже этих... программ начитались!

Занавес.

Кандидат в церковные старосты

К. Важдая, редактора «Арзамасской правды», возмутил неблагоприятный поступок попа из села Выездного. У других попов все как у людей. А поп Смирнов, видите ли,

«при выполнении религиозного обряда — крещения детей распространяет заразу, купая по 30 и более детей в одной и той же воде».

Кроме того с одной гражданки этот зарвавшийся поп взял за крестины сверх таксы...

Подобная наглость попа переполнила чашу терпения редактора. Заметку, озаглавленную «Поповские порядки», К. Важдая решил сопроводить редакционной статьей «О вреде крещения». В ней от имени редакции вновь подчеркивается, что

«Сплошь и рядом ребят крестят в холодной воде и простуживают. Купают и здоровых и больных ребят в одной и той же воде, этим способствуют распространению заразы».

Ай, ай, как нехорошо!

Неужели нельзя крестить детей в теплой воде и менять ее после каждого ребенка? Зачем доставлять неприятности редактору «Арзамасской правды»? Нехорошо! Тем более что статья на подобные темы характеризует К. Важдая как удачного поборника нужд и запросов прихожан попа Смирнова. Еще одна — две таких статейки — и местные богобоязненные старушки с удовольствием предложат К. Важдая высокому посту церковного старосты. По крайней мере, будет кому отстаивать интересы верующих в приходе распоясавшегося попа Смирнова!

Разговаривают

да. В каком вагоне ехали? Номер места? Что осталось в вагоне?

— Все осталось. Пиджак. Брюки. Галстук. Рубашка. Ботинки. Носки. Черный чемодан. Сверток.

— Опишите подробно чемодан.

Описал, выпил воды из графина и сел на лавочку в комнате для пассажиров: на перрон идти как-то совестно. Тем более, пока догонял поезд, уж очень я замарался. Пылищу поднял на бегу. Пот. Все это размазалось. На пижаме две пуговицы отлетели. У туфель остались одни носки. Сажу в уголке, всхлипываю и вспоминаю, как я счастлив был полчаса тому назад... А вокруг меня собрались колхозные ребята — человек восемь — и молча глядят в течение часа. Потом этакий вот пузырь басом говорят:

— Идемте, он укусит.

Я всхлипнул как-то неожиданно громко, и ребята разбежались. Потом, слышит мой железнодорожник и громко спрашивает:

— Где этот псих, который отстал?

— Этот припадочный? Вон он, в углу...

Железнодорожник подходит ко мне и говорит:

— Собирайтесь, подходит поезд, на котором вы поедете.

А чего собираться? Подтянул брюки от пижамы,

на которых ослабла резинка, еще раз вздохнул и вышел на перрон.

Усаживал меня в вагон стрелок железнодорожной охраны.

Гляжу: какая-то женщина при виде меня собрала вещи и перешла в другое отделение. Мужчина отодвинулся. Мальчик лет семи спрашивает у матери:

— Мама, что взрослые бывают беспризорные?

Ну, под'ехали к станции, на которую сдали мои вещи. Бегу к начальнику. Боже мой! Мой пиджак! Брюки! Вы понимаете: мои собственные брюки. Могут надеть. Ботинки! Деньги! Документы! Галстук!

Оделся, хочу умыться, лезу за полотенцем в чемодан, и первое, на что натякаюсь в чемодане, — шолковое дамское белье. Откидываю белье — духи. Купальный костюм — дамский. Шерстяная юбка. Опять белье. И в заключение карточка одной из моих соседок по вагону.

Кричу:

— Что же вы со мной сделали?! Что это такое?!

Мне говорят довольно спокойно:

— Это? Это, кажется, называется комбинация.

А это, скорее, дамская сорочка.

— Сорочка?! Знаете теперь, что со мной жена сделает за эту сорочку?! Почему вы не мой чемодан взяли?

— Взято согласно описанию. Мы не виноваты, что чемоданы подходящие. Распишитесь в получении.

Очень хочу порвать все эти дамские вещишки, но понимаю, что если сохраню, то у меня есть шанс обменять на свои вещи. Умываюсь. Вытираюсь комбинацией. Сморкаюсь в сорочку и иду в буфет: все-таки проголодался за это время.

И подумайте: все это только потому, что мне пришлось в голову дать телеграмму. И телеграмма была такая: «Все благополучно. Еду». Вот тебе и благополучно!

— Что же вы этим хотели сказать? — спросил один из шахматистов. — Какой вывод можно сделать из этой истории?

— Вывод? Вывод хотя бы такой: как ни высоко обслуживание, а пассажир сам должен быть на высоте.

— А, это да. Без пассажира ничего не получается. Вон у нас на станции завели сперва такую чистоту... И что же? Пассажиры в три дня все заплеливали и захаркали.

ИВАН ДИТЯ

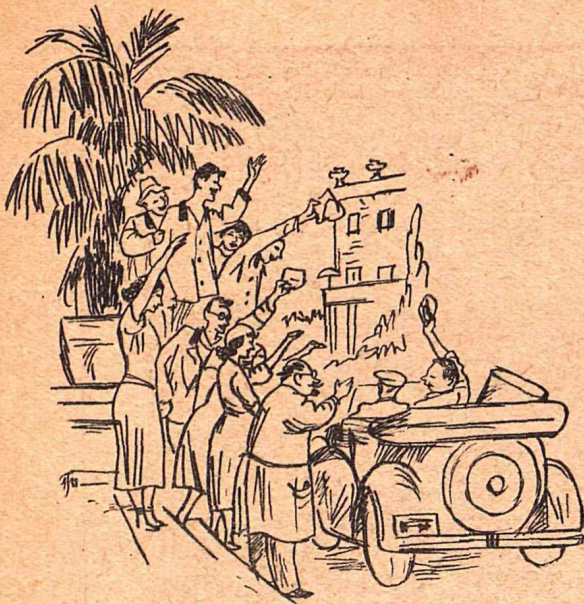

Рис. Л. Генча

— Вы и в доме отдыха вели себя по-стахановски: прибавили в весе две нормы.

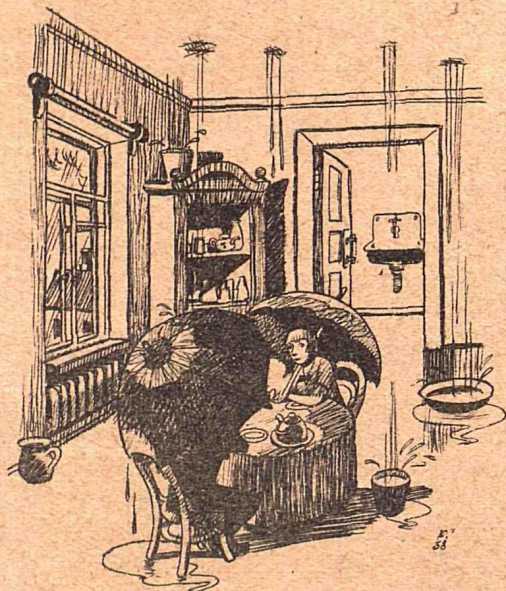

Рис. Ю. Ганфа

ПОСЛЕ РЕМОНТА

— Единственное место, из которого у нас в квартире ничего не течет, — это водопроводный кран.

Рис. Н. Радлова

ПОСЕТИТЕЛЬ: — Я по ошибке опустил жалобу в мусорный ящик.

СТОРОЖ: — Это вам повезло! Ящик-то я каждый день очищаю.

Мысль написать письмо пришла сразу троем: Фиме, Лене Васильевой и одному мальчику по имени Тюпа, который еще нигде не учился.

Однако вскоре выяснилось, что осуществление задуманного доступно только двоим — Фиме и Лене. Тюпе же пришлось сознаться, что он пока умеет только рисовать и только муравьедов.

Фима сказал:

— Ничего! Теперь взрослые писатели пишут рассказы подвое и по́трое. И мы напишем всем классом.

И они пошли в школу. Тюпа тоже пошел с ними, но остался дожидаться на ступеньках у входа.

В школе открылось, что все ребята давно уже задумали написать, но все поодиночке и пока еще никто не приступал.

На перемене собрались во дворе под березой и сразу же написали письмо без единой пометки и очень гладко. Начиналось так:

«Здравствуйте, любимые наши герои-пограничники на озере Хасан!»

И дальше все шло здорово и складно. У Фимы появилась еще одна блестящая мысль — нарисовать самураю попаршивее и послать в письме. Фима тут же сел рисовать. Самурай и вправду получился такой паршивый, что некоторые начали на него плевать, но Фима запретил, потому что самурай мог размокнуть.

— Ты сбоку сапог нарисуй, — посоветовал Тюпа, — и чтобы этим сапогом ему по самой заднице!

Предложение было одобрено. Сапог вышел похожим и пришлось акурат в намеченную цель.

— А все-таки письмо надо показать Пал Иванычу, — сказала Лена. — Может быть, мы в окончаниях наврали. Или в препинаниях. Красноармейцы вдруг возьмут да подумают, что мы малограмотные.

Письмо понесли в класс, а Тюпа опять остался на ступеньках.

Пал Иваныч очень одобрил затею, прочел письмо и сразу погрузился.

— Эх, ребята! — сказал он. — Учишь вас, учишь, а вы все бестолковые. Придется переделывать.

Ребята, не отрываясь, глядели Пал Иванычу в рот, а потом на расщепленную ручку, зажатую между его пальцами. Ручка бойко побежала по новому листу бумаги, а Пал Иваныч говорил, едва попевая за ручкою:

— Здравствуйте... Можно не писать «здравствуйте». Культурнее, когда письмо начинается прямо с обращения «Любимые наши!..» Позвольте! Любимые — это попросту. Это папа любимый, мама любимая. А здесь вы еще и уважение должны им выказать. Значит, «Глубокоуважаемые наши герои!.. Извинюсь! Герой — это если присуждено звание и печаталось об этом в прессе. А так — пограничники. Значит, начало есть. «Глубокоуважаемые пограничники!» Дальше: «Мы все время читали про вас в газетах и слушали по радио, хотя нас и гнали спать, потому что радио ночью». Кому это надо, я вас спрашиваю? Ваше личное дело, никому не интересное. Выпустим. Дальше. «Какие вы молодцы, что прогнали гадов самураев с нашей земли...» Во-первых, хвалить да еще так фамильярно взрослых людей вам, ребятам, не следует. Что это за «молодцы»?!. Во-вторых, «гады» — сильное выражение, хотя в данном случае вполне уместное. Но вообще к сильным выражениям в письмах и телеграммах рекомендуется не прибегать. Это вам даже и на почте скажут и на телеграфе. Напишем так: «Нас глубоко удовлетворяет факт очищения нашей территории от врагов». Дальше: «Эх! Как вы здорово их с самолетов растрескали!» Что за выражение?! И потом, почему с самолетов?

— А как же! — загудели ребята. — Об этом во всех газетах писали. И с самолетов, и танками, и гранатами! Уж мы-то знаем!

Пал Иваныч поджал губы и читал конец письма, бубня себе под нос и переписывая каждую фразу. Последнюю фразу он все-таки прочел вслух:

«Мы вас очень крепко любим, дорогие наши герои-пограничники, и обещаем вам учиться на

«отлично». Мы тоже все пойдем в пограничники, даже девочки».

— Заранее ничего неизвестно, — сухо сказал Пал Иваныч, — может быть, часть из вас будет педагогами или, там, работниками учета... Что же касается обещания, то нужно оформить его иначе:

«Обещаем закрепить наши достижения в области учебы и не успокаиваться на достигнутом». На этом и закончить. Правильно?

— Правильно... — пискнул позади всех тоненький девчачий голос и тут же сконфуженно оборвался.

Посылать в письмо изображение самурая Пал Иваныч запретил категорически:

— Наши красноармейцы — народ культурный. Сочинили вы кое-какое письмо, нарисовали неважную картинку и думаете — им интересно. А они классиков читают, с Репиным и Верещагиным знакомы. Надо это учить.

Фима молча сложил новое письмо и засунул в конверт. Молча же ребята вышли из класса.

На ступеньках сидел Тюпа. Количество песочных пирожков, налипанных по всему крыльцу, свидетельствовало о том, что он не отлучался ни на минуту.

— Ну что? — спросил Тюпа.

В другое время ребята не подумали бы делиться с ним своими переживаниями, но здесь Тюпа являлся одним из инициаторов, и кроме того, необходимо было высказаться.

Дрожавшим голосом Фима стал читать. Тюпа сидел и надувался, а когда Фима замолчал, он сказал решительно:

— Это — не письмо, а кошмарный навоз! (Он еще не учился в школе, и сильные выражения были ему простительны.)

Тогда всполошились все ребята:

— Плохое письмо!

— Дурацкое!

— Фиговое!

— Пошлем старое письмо!

— Верно, пошлем старое!

— И самурая!

— А я еще в углу и муравьеда нарисую, — азартно сказал Тюпа.

На почте ребята стояли плотной толпой вокруг Фимы и смотрели, как он красиво выводил на конверте «Заказное», а Тюпа попросил дать ему послушать марку.

И как раз вчера пришел ответ. Все-таки это довольно долго: пока — туда, пока — оттуда.

Письмом решили похвастаться перед Пал Иванычем.

Пал Иваныч ужасно обрадовался и загордился. «Здравствуйте, милые и дорогие ребята! — писали пограничники. — Спасибо вам большое за ваше хорошее письмо». Тут Пал Иваныч покраснел, глаза у него стали мокрые, и он задышал часто-часто. Кто-то из ребят тихонько фыркнул, а Тюпа, который был допущен в класс ради торжественного случая, запырил на месте от нетерпения.

Пограничники писали о том, что они всегда будут защищать великую родину и всех ребят, живущих на ней. И только в конце получился конфуз: они благодарили за фаминого самурая, который, оказывается, очень похож на настоящего, и за тюпинного муравьеда, которого сначала приняли за лошадь, но потом разобрались.

Пал Иваныч строго посмотрел на ребят:

— Все-таки вложили эти ваши каракули?

— Вложили, — с глубоким вздохом ответил Фима:

И все вздохнули вслед за ним.

— И очень глупо! — сердито сказал Пал Иваныч. — Такое я написал культурное письмо, так оно им понравилось... А про рисунки — они явно из вежливости.

Ребята хотели сказать Пал Иванычу, что и письмо пошло ихнее. Но передумали: пожалели Пал Иваныча. Уж очень он радуется и гордится.

Ну и пусть! Он ведь тоже любит наших пограничников!

В. КАРБОВСКАЯ

Рис. Л. Бродаты

ОБМАН ЗРЕНИЯ

- Смотрите, он опускается прямо до земли.
- Совсем наоборот: он идет в гору.

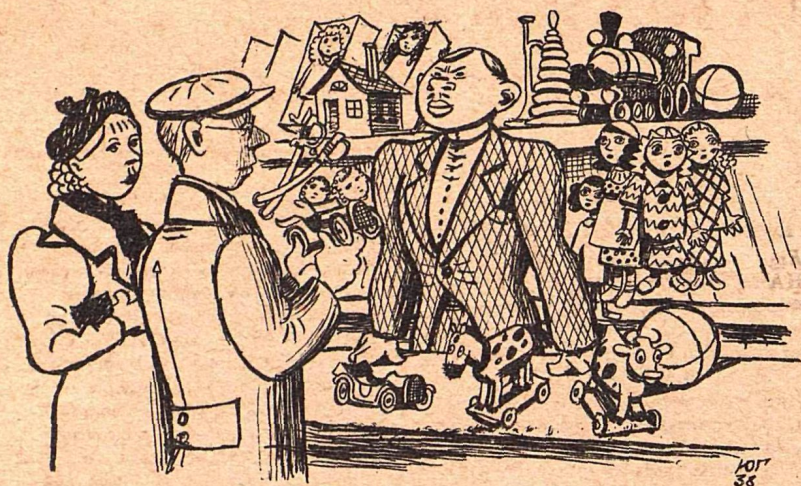

Рис. Ю. Ганфа

В ИГРУШЕЧНОМ МАГАЗИНЕ

ПОКУПАТЕЛЬ: — Что же это? Автомобильчик сразу испортился!
ПРОДАВЕЦ: — Как сразу! Вы уже третий раз его завели.

Хронометраж

— Ох, эти практиканты! — развел руками технорук. — Куда их засунуть? Говори, мастер!
 — Да, свалились на нас точно метеор!.. А обратно отправить их никак нельзя, Василь Васильич?
 — Не выйдет! Путевки подписаны главком.
 — Скажи, пожалуйста!..
 — Ну что мне с ними делать? Ладно. Пригласи их сюда, Матвей! Я и Валька Курносов вовремя отскочили от двери и приняли вид смиренных ягнят.
 — Садитесь, товарищи! Значит, приехали? — обратился к нам технорук.
 — Приехали, товарищ, — ответил Курносов.
 — Помогать вам! — добавил я.
 — Интересно, — зевнул технорук. — Интегрировать-дифференцировать умеете?
 — Знаем математику.
 — И многое другое, — добавил я.
 — Значит, приехали, — повторил технорук, смотря в чертеж. — Между прочим, у нас хлеб даром не едят. Это вы знаете?
 Технорук взглянул на часы.
 — Для нас каждая секунда дорога... — сообщил он. — Что бы такое вам поручить?..
 В этот момент в кабинет вбежал человек в комбинезоне.
 — Товарищ технорук! — сказал он. — Сверху на нас вода течет! Там труба прохудилась. Течет и течет!..
 — Ступайте. Мы примем меры.
 Человек в комбинезоне, ворча, ушел, а технорук снова обратился к нам:
 — Вот что мы сделаем, молодые люди: добудьте секундомер и прохронометрируйте эту самую воду!
 — Воду? — удивился я.
 — Да, да, ту воду, о которой сейчас был разговор. Измерьте, сколько ведер воды утекает из трубы в секунду, в час, в смену.
 — Может быть, лучше исправить водопровод?! — заметил Валька.
 — Это — уж не ваше дело. Записи хронометража сдадите мне утром. Пораньше.
 Технорук протянул нам руку, явно намекая на окончание аудиенции.
 — Кто будет руководить нашей практикой? — спросил я.
 — Жизнь, батенька, сама жизнь.
 Мы вышли на заводской двор. Полуденное солнце освещало путь. Вода лилась в двух местах.
 Из одной дыры она набегала в подставленное ведро со скоростью 7 минут 11 секунд, а из другой — в 4 минуты 40 секунд. Нам удалось прохронометрировать лишь шесть ведер. Цеховые рабочие, не дождавшись водопроводчиков, остановили машины, залезли под потолок и сами заменили трубу.
 В этом мероприятии приняли деятельное участие и мы.
 Утром мы долго дожидались технорука, чтобы вручить ему вчерашний хронометраж.
 — Пожалуйста! — сказал Валька, протянув ему исписанный лист.
 — Аа-а! — протянул технорук. — Это хронометраж? Что так быстро?
 — Вы приказали к утру, — напомнил я.
 — Великолпно! — сказал технорук, засовывая наш лист в кучу бумаг. — Что бы вам еще прохронометрировать?.. — лицо технорука приняло озабоченный вид..
 — Не поискать ли нам самим? — помог я техноруку.
 Он просветлел:

— Прекрасная идея! Это, так сказать, — проявление собственной инициативы! Да, да! Хронометрируйте то, что влезет в ваши молодые головы, и материал несите мне. До свиданья!
 Мы решили прохронометрировать весь завод. С начала до конца. Зачем? Это будет видно.
 Начали с процесса приемки угля. Грузовик привез уголь, — отметили мы в блокнотах.
 Заведующий складами отсутствовал 17 минут 34 секунды. Явившись, он потребовал у шофера какой-то накладной, которую искали 7 минут 11 секунд и не нашли. Шофер уговаривал заведующего 15 минут 05 секунд, ругался с ним 14 минут 41 секунду. Подкатили грузовики с бочками. Они не могли проехать к складу, потому что на дороге лежал уголь. Заведующий убежал жаловаться и пропал ровно 31 минуту.
 Явился кочегар с тачкой. Он насыпал в нее уголь и отвозил к котельной.

Операции	Время
Насыпка	4 минуты 31 секунда в среднем
Ссора с шофером, привезшим бочки	6 минут 14 секунд „ „
Высыпка	0 „ 36 „ „
Привоз бочки	4 минуты 22 секунды „ „

Итого весь цикл занят 15 минут 43 секунды.
 Проделав два цикла, кочегар пропал. Мы прошли в котельную. Там сидел мастер и рассказывал трем кочегарам (в том числе и пропавшему) о том, как он охотится на уток. Мы захватили лишь конец повествования, на который ушло 41 минута 29 секунд.
 Конец совпал с гудком, извещавшим о конце работы на фабрике. Люди покинули кочегарку в течение 0 минут 3 секунд.
 Мы хронометрировали десять дней. Вырисовывалась неприглядная картина завода. Машины простаивали из-за отсутствия ремней, смазочного масла и всяких деталей. Рабочие не работали из-за машин. В среднем они были заняты по 3 часа в день. Технорук бывал в цехах от 6 минут в день и меньше. Директора мы еще не видели.
 — Пойдем к директору! — предложил Валька.
 Три дня нас не пускал секретарь:
 — У директора совещание!
 — У директора технорук!
 — Директор думает!
 Мы так привыкли к секундомеру, что во время ожидания составили хронометраж работы директора.
 На четвертый день мы попросили у секретаря конверт, вложили в него все наши записи и написали адрес: «Здесь, райком ВКП(б)».
 На пятый день к нам подбежал какой-то растерянный человек.
 — Вы практиканты? — спросил он.
 — Мы.
 — Я секретарь парткома завода и... представьте, сегодня в первый раз услышал о вас. И где? В райкоме партии.
 К секретарию райкома нас впустили очень скоро. Началось совещание. Повестка дня: доклад о работе завода.
 — Я не подготовился к докладу, — сообщил директор завода. — Прошу отложить!
 Секретарь райкома ответил:
 — Не тревожься, товарищ Петухов! Вместо тебя сделают доклад практиканты. Начинайте, товарищи!
 Валька говорил 41 минуту 16 секунд.
 Секретарь сделал вывод в течение 5 минут 32 секунд.
 Этими цифрами закончился наш хронометраж.
 Мы приступили к практике. Новое руководство завода помогало нам овладевать знаниями.

БОРИС АГАРОВ

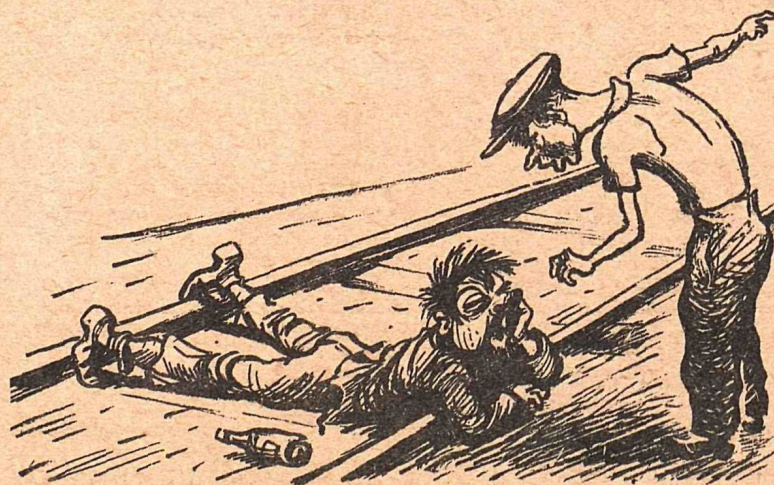

Рис. Н. Радлова

— Вставай, поезд идет!
 — А мне никуда не нужно ехать!

Кражи на пляже

Ростовская на Дону комедия (или драма?) в 17 картинах

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Ростов на Дону. 28 июня 1938 года. 4 часа пополудни. Небезызвестная река Дон кажит тихие воды свои. Пляж. Граждане на пляже купаются, принимают солнечные ванны, оживленно беседуют на лубе, пришедшие им в голову темы.

Из вод тихого Дона выходит гражданин Ж. Гражданин Ж.— общественник, член партии. В Крокодиле имеются документы, подтверждающие это. Фамилию гражданина Ж. полностью не опубликовываем, так как он ни в малой мере не виноват во всем происшедшем на пляже и далее.

ГРАЖДАНИН Ж. (пробирается между лежащими на пляже гражданами). Виноват... Разрешите пройти... Это ваша ножка? Уберите: наступлю... Погодка-то сегодня какова, а? (Всматривается в местоположение своего платья и замечает, что трое подростков берут в охапку все его платье с явною целью воровства; кричит.) Караул! Куда вы?! Вот я вас! Держите! Лови, лови! Милиция! (Бежит к месту преступления.)

Между тем гражданин Ж. подбежал к месту, где находилось его платье, в тот момент, когда двое подростков унесли все, за исключением резинового плаща. Третий подросток с резиновым плащом в руках замешкался, и гражданин Ж. схватил его за плечи.

ГРАЖДАНИН Ж. Попался! Клади плащ! Милиция!

ПОДРОСТОК. Дяденька, я нечаянно... Дяденька, пусти, я больше не буду!

2-й КУПАЛЬЩИК. Какая, интересно знать, нужна вам милиция? Нету тут никакой милиции.

ПОДРОСТОК. Дяденька, отпусти!.. Я никогда, дяденька, больше не буду...

3-й КУПАЛЬЩИК. Смотрите: милиционер идет. Повезло вам, товарищи!

ГРАЖДАНИН Ж. Товарищ милиционер! Вот этот и еще двое... те убежали... Один плащ остался... Надо акт составить... Допросите: его друзья воровали... (В волнении выпускает руку подростка. Подросток исчезает мгновенно и бесследно, как Мефистофель в известной опере Шарля Гуно «Фауст».) Куда он!.. Держи! Лови! (Видит, что поздно.)

МИЛИЦИОНЕР. Давайте, гражданин; в отделение.

ГРАЖДАНИН Ж. Добрый товарищ милиционер! Не срамите меня! Не водите меня нагишом по городу! Тем более — это не я воровал, это у меня украли...

МИЛИЦИОНЕР. Ну, разве что так... (Уходит.)

ГРАЖДАНИН Ж. (протягивая ладонь к купальщикам). Добрые люди, подайте общественнику, пострадавшему на ваших глазах, сообразавшему в мою пользу 15 копеек, необходимые мне для переезда на лодке!..

ХОР КУПАЛЬЩИКОВ. Ин быть по-твоему. Мы соберем пятиалтынный! Не оставим!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Трамвай. На одной из скамеек сидит гражданин Ж., прикрывая плащом голые волосатые ноги.

1-Я ПАССАЖИРКА. Это до чего у людей нахальство доходит: в трамвае почесть нагишом ездят!

2-Я ПАССАЖИРКА. Пропьют с себя все, вот и приходится в чем мать родила... Гляди: прыгает!.. Нагишом из трамвая спрыгнул...

ШУТНИК. Вот я тебя!.. Ам, ам, ам!..

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Редакция краевой газеты «Молот». Секретариат. Сотрудники газеты, образовав живую группу, слушают рассказ гражданина Ж. о его несчастье.

ХОР СОТРУДНИКОВ. Чорт знает что такое!.. Мало мы еще боремся с беспорядками в нашем городе! Конечно, мы вам поможем! Мы дадим вам машину, которая отвезет вас домой!

ГРАЖДАНИН Ж. Неужели машину? (Слезы умиления выступают на его глазах; он вытирает слезы полою плаща, но при этом вспоминает, что плащ обнажает его тело, и потому быстро отбрасывает полу назад.)

Сотрудники по одному расходятся, мимикой и жестами извывая свое сочувствие гражданину Ж. Часы бьют 5 часов пополудни. Затем те же часы в установленное время бьют 6 часов и 8 часов. Гражданин Ж., поживаясь от вечерней прохлады, робко спрашивает у одного из сотрудников.

ГРАЖДАНИН Ж. Товарищ, а машина, она... скоро будет?

СОТРУДНИК (права рукопись). Не знаю, товарищ, не знаю.

ГРАЖДАНИН Ж. Может, мне лучше пойти пешком? (Сотрудник молча пожимает плечами.)

Гражданин Ж. подымается и с тяжелым вздохом покидает гостеприимный кров газеты «Молот».

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Ростовский областной уголовный розыск. Комната дежурного.

ГРАЖДАНИН Ж. ... Вы найдете мои вещи, ведь правда?..

ДЕЖУРНЫЙ (сухо). Не знаю, не знаю. Свидетелей у вас нет. Со времени похищения прошло уже часов семь. И вообще не бог весть какие ценности украдены...

ГРАЖДАНИН Ж. Да, но позвольте! У человека похищают его имущество, а вы по формальным соображениям...

ДЕЖУРНЫЙ (встает в знак окончания аудиенции). Можете жаловаться.

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Приемная начальника областного управления милиции. Гражданин Ж. сидит у двери и любителю гроздью телефонов на столе секретаря. Из кабинета начальника выходит секретарь.

СЕКРЕТАРЬ. Товарищ начальник вас принять не может. Советует вам обратиться в уголовный розыск.

ГРАЖДАНИН Ж. Я же там был...

СЕКРЕТАРЬ. Ну вот видите...

Занавес

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Отделение милиции. НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ (перебивая гражданина Ж.). Никаких

мер к поимке воров и розыску вещей принять я не могу...

Занавес

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Еще отделение милиции.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ (перебивая гражданина Ж.). Никаких мер к поимке воров и розыску вещей принять я не могу...

Занавес

Картины восьмая, девятая, десятая, одиннадцатая, двенадцатая — полное повторение картины седьмой в других отделениях милиции.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Помещение коменданта милиции на одном из ростовских базаров.

КОМЕНДАНТ МИЛИЦИИ (перебивая гражданина Ж.). Никаких мер к поимке воров и розыску вещей принять я не могу...

Занавес

Картины четырнадцатая, пятнадцатая, шестнадцатая — полное повторение картины тринадцатой на других базарах.

КАРТИНА СЕМНАДЦАТАЯ

Между 16-й и 17-й картинами проходит 2 месяца.

Гражданин Ж. сидит у себя дома за письменным столом. В руках его справка, выданная 4-м отделе-

нием РК милиции города Ростова на Дону.

ГРАЖДАНИН Ж. (задумчиво).

Второй уж месяц миновал давно, Как у меня украли бьюки, Часы, бумажник с документами, Сапог, другой сапог и денег Свыше ста рублей. Давно ли я Все эти вещи ощущал в своих Руках, давно ль носил на теле? Истратил мог все деньги с явной пользой...

А ныне только эта справка Напомнить может мне о том, что вот

Я некогда владельцем был сапог И брюк, бумажника и денег... (Грустно читает справку.) «Дана гражданину Ж. в том, что им действительно заявлено в 4-е отделение РКМ 28/VI-38 г. о краже носильных вещей, с которыми был украден депутатский мандат.

Начальник 4-го отделения сержант милиции Боровинский». (Задумался, качает головой.)

Великое обилие властей У нас в Ростове. Каждая из них Свободна учинить о краже Следствие. И что ж? Никто,

не внял мольбам моим. Добро мое

Пропало для меня навеки.

Занавес падает

В. АРДОВ

Рис. Кукрыниксы

— Все говорят: шаек нет. Обходятся же люди без шаек!

ПЛАГИАТ

Боже ты мой, сколько раз была использована в печати замечательная шутка А. П. Чехова «Жалобная книга!» Каких только жалобных книг ни писали в подражание Чехову: жалобные книги на международные темы, жалобные книги театральные, жалобные книги на местные темы, жалобные книги... на всяческие темы.

И вдруг жизнь — этот великий плагиатор (извините за смелое определение) — сама создает подражание чеховскому рассказу.

Вот выписки из жалобной книги Свердловского областного краеведческого музея. К нему добавим, что директор Музея Дегтярев есть студент геологического факультета Горного института в Свердловске. А вот и выписки:

Запись: «Юрочка Дан, я тебя люблю».

Ответ: «Можно объяснить в любви и лично, а не в тетрадах, предназначенных для целей отзывов и замечаний по Музею. Это просто пишет дура, на которую, я бы сказал, действует весна. Дегтярев».

Запись «Вообще Музей ничего, и камешки хорошие, только жаль, что домой не дают. По моему нужно каждому, посетившему музей, в качестве подарка за удостоенное им внимание Музею дарить тем, что они хотят (хотя бы мамонта, мне он очень нравится)».

Ответ: «Чушь. Дегтярев».

Запись: «Директор, вам изменяет ваша жена. Смотрите в оба. Доброжелатель».

Ответ: «К сожалению, не женат, дорогой доброжелатель! Дегтярев».

Запись: «Правда ли, что мамонт откладывает яйца?»

Ответ: «Врешь. Дегтярев».

С нетерпением ожидаем продолжения. Просим присылать нам все страницы этой драгоценной книги, которая, очевидно, предназначена для нашего журнала.

ОБРАЗОВАННЫЕ БУКАШКИ

Состоят ли пчелы подписчиками газеты «Мичуринская правда»? Читают ли этот уважаемый орган птички, а также «бабочки, козявки, букашки, мушки, таракашки»?

Эти вопросы невольно возникли у нас, когда мы прочли в номере «Мичуринской правды» от 25 июля такое объявление:

«Мичуринская малярная станция объявляет, что будет производиться опыление реки Воронеж от моста у пивзавода и до моста Боршевое, против личинок малярного комара».

Пользоваться водой в местах опыления 28, 29 и 30 июля 1938 года не разрешается для людей, животным, птицам и пчелам».

Надо полагать, что упомянутые представители мира насекомых газету «Мичуринская правда» все же

не читают. В этом они несколько сходятся во вкусах с редактором этой же газеты, ибо он, как видно, тоже ее не читает. Во всяком случае, последнюю полосу!

ГОМЕРЫ В ПОЖАРНЫХ КАСКАХ

В теории словесности сказано: эпический стиль отличается от лирического тем, что он — эпический стиль — не допускает изъятия каких-либо чувств автора. Автор, так сказать, «спокойно зрит на правых и виновных». Общеизвестно также, что лучшим представителем эпического стиля на сегодняшний день является некто Гомер, член союза древнегреческих писателей, проживавший по месту работы, в древней Греции, несколько тысяч лет тому назад. Известно также, что Гомер был слепым.

Весь этот обильный справочный материал приведен нами ввиду того, что в городе Людиново, Орловской области, в местной воензированной пожарной команде обнаружены люди, необыкновенно похожие на Гомера: так же как Гомер, они изъясняются спокойно, не проявляя никаких эмоций. И, так же как Гомер, они слепы по отношению к тому, что составляет предмет их деятельности.

Не будем голословны. Вот документ, оправдывающий наше мнение:

В журнал Крокодил На Ваш № 156/с.

Людиновская Воен. Пожар. Охрана сообщает, что в 1936—1937 годах пожаров от искр паровозов не было, а были загорания от проходивших паровозов из-за ветхости крыш, о чем ставился вопрос перед гражданами домовладельцев, городским советом, а также перед заводоуправлением в оказании помощи домовладельцам на предмет приобретения огнестойкой кровли.

Но последние, как городской совет, а также заводоуправление к запросам граждан отнеслись бездушно, что явилось причиной в 1938 году в апреле м-це пожаром в этом самом месте где происходили загорания 1936—1937 г. было уничтожено шесть домов.

Является ли причиной в том, что у паровозов отсутствуют искрогасители.

Этого сказать нельзя, в-первых: паровозы снабжены искроуловителями, как внутри локомотива, а также при выходе тремя—четырьмя сетками. Кроме того, тушением влажного пара. Но не исключена возможность вылета мельчайших частиц искр, которые недогоревшие влипают в ветхие крыши при сильном ветре и малом

разрыве между ж. д. и жилыми домами дают причину пожаров.

Начальник воензированной пожарной команды
Воентехник 2 ранга

Одншев

Делопроизводитель

М. М. М. М.

Мы понимаем, что работа на пожарах обучает людей спокойствию. Однако не до такой же степени, чорт возьми!

СРАЖЕНИЕ В БОНДАРКЕ

Если у жителей города Липецка спросить про председателя местного горсовета Левченко, они скажут:

— Лихой у нас начальник. Беззаветно храбрый. Отец-командир, можно сказать.

— Вот как? Где же он отличился?

— Отличился он, — сообщат жители, — в деле 14 июля под бондарной мастерской Промкомбината.

Из дальнейших расспросов выяснится и картина исторической баталии.

Противники т. е. бондары, оказавшись у себя в бондарке, стучали молотками, клеая бочки, стигивая их обручами. Был знойный июльский день.

Появившись перед мастерской, Левченко предъявил бондарям ультиматум: немедленно очистить помещение, которое горсовет решил передать автоколонне МТС.

Бондары ультиматум отвергли: они просили отсрочки.

Тогда Левченко во главе своих соратников из автоколонны начал штурм бондарки. Он, как водится среди храбрых полководцев, первый ломом ударил перегородку и пинками стал выбрасывать на улицу готовые бочки, клепку и инструменты.

Решительное сопротивление бондарей было подавлено выкриками: «Я здесь хозяин!», «Знаете ли вы, с кем вы связались!» и т. д.

Вскоре Левченко одержал полную викторию (победу).

Инструменты и готовые бочки валяются под открытым небом на месте сражения и поныне. Бондары рассеяны, как и полагается побежденной армии.

А помещение бондарки захватили конторщики МТС. Они поставили здесь свои столы и занимают одну пятую часть площади. Четыре пятых пустуют.

— Ну, а получил ли Левченко какую-нибудь награду за дело 14 июля под бондарной мастерской?

— Нет, не получил — смущенно отвечают жители города Липецка. — Это даже удивительно! Такой героический поступок и, представьте, остался незамеченным!

Пора, давно пора исправить явную ошибку. Надо наградить победителя бондарей, беззаветно храброго Левченко. По заслугам наградить.

О чем мы и ходатайствуем перед вышестоящими инстанциями.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ВОПРОС

(Посвящается председателю Главрезины тов. К. И. Шанаеву)

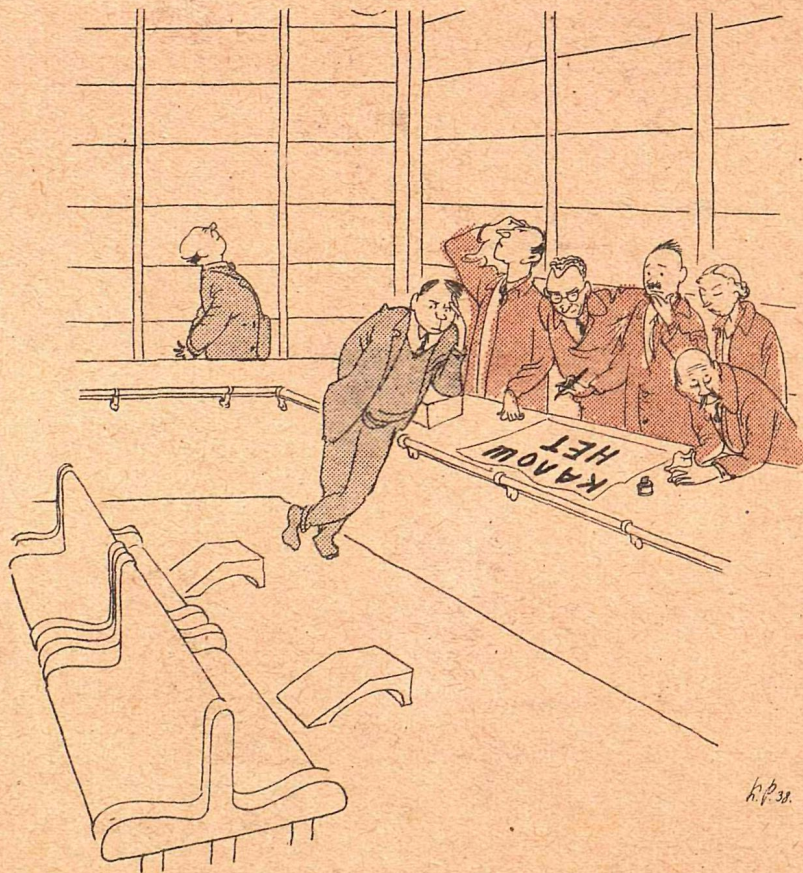

Рис. К. Ротова

— Как же все-таки правильно написать: „Калош нет или „Галош нет“?

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Наши трактористы и бригадиры зарабатывают хорошо, живут зажиточно. И вот этой весной 8 наших ребят купили мотоциклы завода «Красный Октябрь». Заплатили за каждый мотоцикл по 3500 рублей. Многие завидовали нам! Теперь и в район можно съездить и в соседнее село.

Но недолго радовались мы покупке. Уже через 3 месяца вышли из строя цепи Галля, и мотоциклы с тех пор бездействуют.

За этими цепями наши ребята ездили в Краснодар. Ездили в Ростов. Посылали нарочного в Шахты. Писали на завод. Цепей не нашли нигде.

Во время отпуска решили съездить в Москву: специально, чтобы купить цепи Галля. Но и здесь ничего не добились.

Цепи Галля, как известно, конца не имеют. Не имеет, видно, конца и безобразное отношение к потребителям со стороны завода «Красный Октябрь» и Тульского машиностроительного завода имени Батищева, где изготавливаются эти цепи.

ИВАН ГОНТАРЬ
и **ИВАН КНЫШ**,

помощники бригадира тракторной бригады Ленинградской МТС, Краснодарского края, орденосцы.

Дорогой Крокодил!

Передай, пожалуйста, начальнику чистяковского аэроклуба (УССР), что товарищ Кондратишко Б. И. состоит слушателем Военно-воздушной академии имени Жуковского и отзывать его из Академии обратно в чистяковский аэроклуб для окончания учебы нет смысла.

По авторитетным утверждениям, Академия как раз и является тем самым местом, где товарищ Кондратишко в полной мере сможет получить недостающие ему знания, минуя на сей раз заботы начальника чистяковского аэроклуба.

МАКСИМОВ,

майор (Военно-воздушная академия имени Жуковского).

Москва.

Дорогой Крокодил!

Хочешь знать, почему уже несколько дней подряд в 5 участке народного суда нашего района не разобрано ни одного дела? Спроси об этом председателя Дружковского горсовета Минайлова, он тебе ответит... Впрочем, нет! Он ответит в другом месте, а почему не работает суд, скажу тебе я. Вышло так потому, что Минайлов выгнал работников суда из занимаемого

ими помещения, запер его вместе со всеми делами на замок, а ключи положил себе в карман. В помещении же это (кстати, отведенное суду постановлением президиума горсовета от 5 августа) он решил вселить школу.

Я понимаю, что Минайлову трудно, когда помещения нужны и для школы и для нарсуда. Но зачем же Минайлову уподобляться известному Тришке из памятной басни И. А. Крылова? Не лучше ли, чем отрезать на заплаты рукава, побеспокоиться и о нарсуде и о школе? Какой-никакой, а ведь Минайлов все-таки — председатель горсовета!

Г. МАРЧЕНКО,
народный судья

ст. Дружковка,
Сталинской области

Дорогой Крокодил!

Председатель нашего колхоза «Красная семья» Степан Петрович Карасев нежных чувств к родственникам скрывать не любил. «Раз у колхоза такое название, пусть все будет по-семейному», решил он. Сказано — сделано. Сватья братья Степана Петровича жили хоть куда: кто в кладовой, кто бригадирами. Семейка получилась дружная: дружно глушила самокритику, дружно воровала колхозное добро, дружно разваливала трудовую дисциплину. Даже фер-

му уничтожила. Терять Карасеву было нечего: он уже дважды судился — за хулиганство и за кражу.

Я писал о нежных родственниках в нашу районную газету «Белевская правда». Там проверили факты, нашли заметку правильной, но затеряли все документы. В Воронцовском сельсовете знали о делах Карасева, но... председатель сельсовета Н. Ф. Бугаев Карасеву также несколько сродни. И только когда я написал письмо тебе, Крокодил, районные власти зашевелились. Общее собрание колхозников Карасева с работы председателя колхоза сняло. Сейчас избран другой председатель, тов. Г. Г. Анохин, честный колхозник, бывший партизан. Он сумеет быстро поднять наш колхоз. Если ему не помешают.

А вот этого-то я и боюсь. Председатель сельсовета Бугаев не только не питает нежных чувств к Анохину, но и старается его подсадить, отомстить за родственника.

Вот поэтому, дорогой Крокодил, я и решил опять обратиться к тебе: помоги нам добить семейственность в нашей «Красной семье»!

М. КОНЯХИН,
колхозник

Белевский район,
Тульской области.

Дорогой Крокодил!

В сентябре прошлого года я написал жалобу в прокуратуру Союза ССР на волокиту с моим трудовым делом в нарсуде Избаскентского района, Узбекской ССР.

В мае этого года я, наконец, получил ответ из прокуратуры Союза. Начальник отдела жалоб тов. Тадевосян сообщил мне следующее:

«16/V-38 г. Гор. Баку, улица Касум Измайлова, 147. Ирзабекову Ширали.

Ваша жалоба от 1/IX-38 г. о волоките в нарсуде с рассмотрением вашего трудового дела оставлена без последствий, так как районными в жалобе наменован неправильно. Избаскентского района в Узбекской ССР, по наведенным нами справкам, нет.

Нач. Отдела жалоб Тадевосян.»

Может быть, этот район в качестве обвиняемого успел скрыться в неизвестном направлении, но, когда им не интересовалась прокуратура Союза ССР, он был на месте, и я там работал целый год.

А впрочем, я не удивляюсь, как не удивляюсь и тому, что в мае 1938 года можно оставить без последствий жалобу от 1 сентября 1938 года.

ШИРАЛИ ИРЗАБЕКОВ
Баку.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция считает ошибочным письмо тов. Л. Ардашова в отделе «Дорогой крокодил» (в № 22 журнала). Украинским отделением Союзфото дана правильная подпись под фотографией стахановца Киевского завода станков-автоматов тов. М. Я. Швиненко, действительно выполнившим 20 июня за 2 часа 4 мин. свыше 500 норм.

Преступление и ...

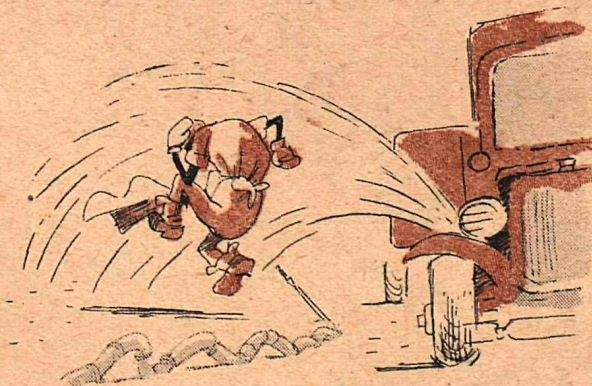

Рис. В. Гальба.

... наказание

Редактор — Мих. КОЛЬЦОВ. Редколлегия: Г. РЫКЛИН, Л. РОВИНСКИЙ, В. КАТАЕВ, Е. ПЕТРОВ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 30 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Рукописи не возвращаются

Москва. Изд. № 980

Сдача текста и рисунков 17/IX 1938 г.

Подп. к печати 3/X 1938 г.

Статформат 72x103 см

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № Б-54090. Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2464. Тираж 275 000 экз.

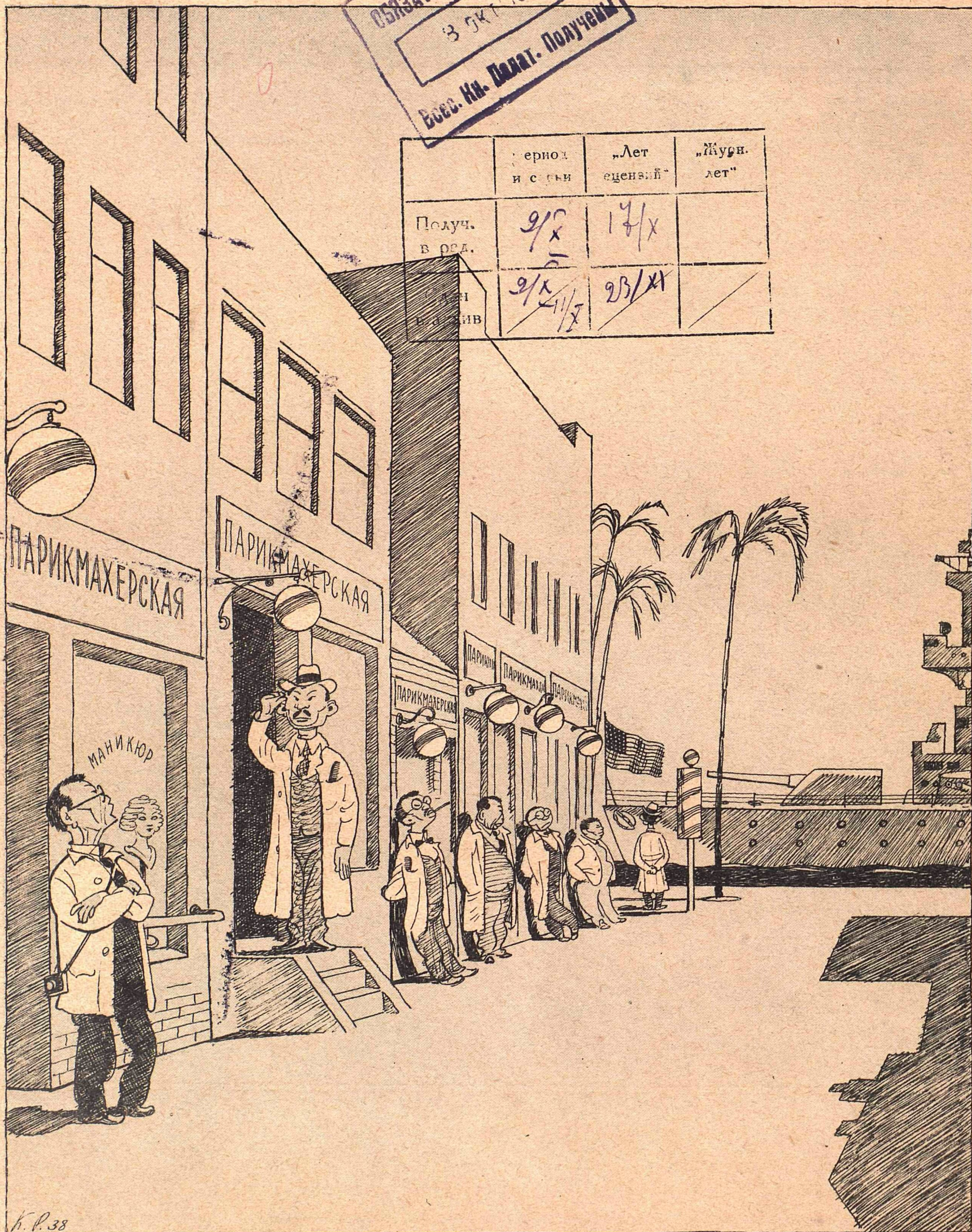
45

M6295

В Панаме слишком много японских парикмахерских.
(Из тревожных сообщений американской прессы).

СВЯЗАТ: ЭНЦЕПЛО...
3 ЮН 1938
Всес. Нн. Дават. Получены

	Период и с кем	„Лет эценант“	„Мушн. лет“
Получ. в ред.	9/х	17/х	
Лет в д. м. в.	9/х 11/х	23/х	

К. Р. 38

НА ПАНАМСКОМ КАНАЛЕ

— Вы сегодня хорошо поработали, майор. Кажется, скоро я произведу вас в полковники.

Рис. К. Ротова